

«Н-ская часть провела учения» / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

«Н-ская часть провела учения» / рассказ «Н-СКАЯ ЧАСТЬ ПРОВЕЛА УЧЕНИЯ»

1981

Батальоны днем и ночью штурмовали горы Искаполь в провинции Газни. Гаубичные и реактивные батареи, самолеты и узкие быстрые пятнистые вертолеты обрушивали на горы тонны металла. В холодном осеннем воздухе пахло порохом, пыль заволакивала солнце и звезды. Днем прилетали вертолеты за трупами и ранеными. Ночи были безлунные и звездные. Ночью транспортный самолет кружил высоко над горами и сбрасывал осветительные бомбы, – они распадались на несколько оранжевых солнц; покачиваясь, шары медленно опускались, озаряя ущелья, скалы, вершины и степь у подножия гор, где стоял походный лагерь полка. Пехота шла вверх, били крупнокалиберные пулеметы, рвались мины, хлопали скорострельные гранатометы. Оранжевые солнца гасли, пехота залегала. После короткой передышки в степи зычно кричали артиллерийские офицеры и начиналась артподготовка.

Мятежники крепко сидели в пещерах и гротах. В этих горах у них была крупная база, ни в воде, ни в пище, ни в медикаментах, ни в боеприпасах недостатка не было, они дрались дерзко и умело. Смолкли реактивные установки и гаубицы. Стало слышно, как под звездами тоскливо и глухо трубят моторы транспортника. Пехотинцы лежали на камнях, утирая потные грязные лица и прикладываясь заскорузлыми губами к фляжкам. Ждали, когда сверху зашипят осветительные бомбы.

Было тихо, темно. Пехотинцы отдышались, напились воды, остыли, – была осень, днем солнце пригревало, а ночью воздух был ледяным, и солдаты быстро высыхали после атак.

Ждали. Что-то на транспортнике медлили. Пехотинцы начинали привыкать к тишине.

Прошло еще несколько минут, и над их головами зашипело и треснуло – вверху зажглись осветительные бомбы. Ротный крикнул: рота! вперед! Рота встала и пошла вверх. Сверху забили из пулемета, красные пули стучали бойко по камням, рикошетили и уходили вверх и в стороны. Пехотинцы перебежали от скалы к скале, пуская короткие очереди, лицам было жарко, а в животах стоял холод. Одна из раскаленных струй врезалась в бегущего человека, он свалился, это был ротный, он вырыгивал кровь и выгибался, потом замер, он был мертв. Лейтенант принял командование ротой. Атака возобновилась. Лейтенант вел роту к вершине, где за гребнем сидели мятежники. Мятежники проигрывали вершину, у них смолк крупнокалиберный пулемет, они стреляли из ружей и автомата. Бой шел на всем хребте. На соседней горе рвались мины. Рота подступила вплотную к вершине и забросала гребень гранатами, автомат и ружья замолчали. Выждав, лейтенант первым кинулся наверх, увлекая за собой солдат. За валунами была ровная площадка, здесь стоял станковый пулемет, вокруг него лежали пустые металлические кассеты и четыре тела, изрубленные осколками. Пятый уползал вниз. Лейтенант нагнал его и пнул ногой, мятежник перевернулся на спину и поднял вверх разбитые руки. Лейтенант, приказав солдатам оттащить его на площадку, вышел на связь и доложил комбату о потере и о взятии вершины. Комбат приказал оставить на занятой высоте несколько пулеметчиков и ударить с севера по соседней вершине. На горе остались четверо, рота пошла вниз. Оставшиеся солдаты напились, закурили.

Раненый с измочаленными руками и пробитой ногой скулил. Неподвижно лежали четыре тела, из них еще высачивалась кровь. Пулеметчики всасывали горький дым. Были довольны, что их оставили здесь. Может, нынче все кончится, и им не придется больше лезть на рожон. Утром полк, нагружившись трофеями, отправится домой, в палаточный город. Там баня, чистые постели, трехразовая кормежка, письма, каждый вечер фильмы, получка, в магазине – сигареты с фильтром, апельсиновый джем, печенье, сгущенное молоко, индийский кофе, виноградный сок;

там в библиотеке Таня, хоть она и не смотрит на солдат, зато можно глядеть на нее, у нее красные губы, полноватые ноги с черными завитушками волос, крупные выпуклые ягодицы, она потливая, и ее блузка мокра под мышками и на спине, можно хоть каждый день ходить в библиотеку смотреть и обонять аромат Таниных духов и пота. А ротный теперь на веки вечные лишен всего этого. Он мертв? Его ничто не брало, ни пули, ни желтуха, ни тиф. Однажды он спустился вдвоем с солдатом в кяриз, они прошли с фонариком по подземному коридору, коридор резко повернул, и они увидели мятежников, открыли огонь и кинулись назад, первым на веревке вытащили солдата с простреленной икрой, потом живого и невредимого ротного. И вот ротный мертв.

Сигарета приятна, курить бросают идиоты. И пить. Трезвенники – олухи. Можно год жизни отдать за бутылку водки после операции. Округлая такая, тяжеленькая такая бутылка чистой горькой водки. Вымывшись в бане, ты наливаешь в солдатскую кружку чистую горькую водку. Ее привезли в бензобаке из Союза, она стоит тридцать чеков, дорого, но что поделать. Так вот: наливаешь. То, что ты налил в кружку, стоит примерно семь чеков, почти месячная зарплата рядового. Ну и черт с ней. Зато ты становишься человеком на полчаса, и нет ни скуки, ни страха, мозги искрятся, и два года – это тьфу!

Стрельба стихла на всем хребте, передышка наступила.

– Смотреть в оба, мужики, – сказал сержант, возглавлявший группу.

Пулеметчики и так смотрели в оба.

Вверху гудел транспортник. Хорошо летчикам. Не артиллеристы боги, а летчики в черных кожаных шлемофонах и голубых комбинезонах. Впрочем, им тоже достается. Мятежники любят охотиться на самолеты. Экипажи сбитых самолетов и вертолетов чаще всего попадают в плен. А хуже восточного плена ничего быть не может. Мятежники умеют умерщвлять медленно, в час по чайной ложке смерти. Труп прапорщика Воробьева рота нашла на вторые сутки, прапорщика в распухшей сизой туше с седыми волосами сумел узнать только ротный. Не дай бог попасть в плен. Нет, боги войны не артиллеристы, не летчики, а штабные.

Хотя и они погибают, редко, но гибнут, все-таки они в войне, а не над. Боги – в стороне и над.

– Сейчас артиллерия жахнет, – сказал один из пулеметчиков хриплым голосом. – Как бы нас не накрыли. Сдуру-то.

– Лейтенант выходил же на связь, – откликнулся сержант.

Замычал пленный. Все посмотрели на него. Пленный кутал руки в длиннополой рубахе, по ткани расползались пятна.

– Ротного-то... убили, – сказал сержант.

Ему никто не ответил.

У пленного зудели и горели раздробленные кисти. Ему мерещилось, что руки грызут стаи мохнатых фаланг. Фаланги рвали своими загнутыми клещевидными зубчатыми челюстями кожу, мясо, сосуды и хрящи. Их было много, своей тяжестью они тянули руки книзу. Пленный лежал, прислонившись к валуну, и прижимал руки к груди.

«Ротного убили», – подумал сержант и еще раз посмотрел на пленного. Пленного била дрожь.

«Забинтовать ему руки, что ли?» – подумал пулеметчик Гращенков, раненный в бедро в один из первых дней службы.

Под звездами уныло трубили моторы невидимого транспортника. Сейчас заработают реактивные установки и 122-миллиметровые гаубицы, и все запыляет, затрещит, закачается, – сейчас...

– Вон летит, – сказал в тишине охрипший солдат.

Солдаты пошарили глазами по небу и увидели мерцающие точки, – далеко в стороне над степью шел самолет; кажется, это был пассажирский самолет, он летел с севера на юг, он плыл в черном небе беззвучно, на крыльях и брюхе вздрагивали сигнальные огни, наверное, он шел в Пакистан или в Индию.

Солдаты смотрели на пульсирующие огни.

Сержант скрючился, зажег спичку за пазухой, прикурил. Остальные, почуяв дым, тоже закурили, пряча сигареты в кулаках. Было тихо.

Было тихо. Может быть, все кончено? Мятежники сдались, и сейчас дадут отбой, и утром батальоны вернутся в полк.

Пленный заскулил громче. Все посмотрели на него. Гращенков снял с плеча вещмешок, развязал его и вынул индпакет. Остальные подумали, что он решил подкрепиться, и, почувствовав

голод, тоже стащили свои вещмешки, достали галеты, консервы и сахар, вскрыли штык-ножами банки. Запахло сосисочным фаршем. Гращенков разорвал пакет, и в его руках забелели бинты и тампоны. Сержант перестал есть и уставился на него.

– Что? – спросил сержант.

– Перевяжу.

– Отставить.

– Это почему?

– Нечего тратить, – сказал сержант.

– Ладно тебе. Я свое трачу.

Остальные ели фарш, трещали галетами, оглядывали черные склоны горы, косились на сержанта и солдата с бинтами и молчали.

– Гращенков, ты не понял? – спросил сержант. Пленный лежал с закрытыми глазами, он ничего не слышал. Гурии в прозрачных платьях, пританцовывая, вели его под руки по зеленой горе вверх, – там, в сени бледно-розового Лотоса, лежали правоверные с чашами в руках, они пили чай и с улыбками глядели на гостя; от Лотоса исходил аромат, вокруг Лотоса выгибались радужные фонтаны, над Лотосом парили белые птицы...

Артподготовки не было. Транспортник сбросил осветительные бомбы.

– Нет, я перевяжу, – сказал Гращенков, вставая и направляясь к пленному, но его опередила очередь.

Солдаты посмотрели на оранжевое лицо с разорванным ртом, выбитым глазом и свернутым набок носом.

– Мог бы потом, – проговорил охрипший солдат, пряча недоеденный фарш, галеты и сахар в мешок. Второй солдат отвернулся и поспешно очистил банку, выбросил ее, облизал ложку, сунул в рот ком сахара и приложился к фляжке.

Между тем бой на хребте возобновился. Пулеметчики ждали зеленую ракету, нацелившись на соседнюю вершину, к которой сейчас подкрадывалась с севера рота. Небо было оранжевым, горы были оранжевыми, густо чернели тени и складки. По склонам прыгали огни и вились красные струи, хлопали гранаты. Ни о чем не думая, пулеметчики из пехотной роты лежали в настывших камнях, глядели на соседнюю вершину, над которой пересекались трассирующие очереди, и ждали.

– Заблудилась рота, ушла по распадку к черту, – предположил охрипший солдат, но тут же, словно торопясь опровергнуть его, вверх ударила светящаяся струя, и зеленый сияющий ком повис над склоном соседней горы.

– Огонь! – азартно скомандовал сержант.

Пулеметчики открыли огонь по соседней вершине. Рота, идя по склону, тоже вела стрельбу, а по южному склону наступала другая рота, и с запада по мятежникам били ручные пулеметы.

– Отпрыгались, – сказал охрипший солдат. Но мятежники продолжали отбиваться. Над пулеметчиками просвистели пули.

– Да отпрыгались же, – повторил охрипший солдат, втыкая в соседнюю вершину длинные очереди, и вдруг замычал, привстал, выгибаясь и стараясь выдрать скрюченными пальцами огонь из спины, и упал.

Сержант оглянулся и увидел сзади, на середине склона, темные фигурки, он дал очередь по ним и взвизгнул, когда острый и невидимый коготь вспорол плечо. Гращенков и второй пулеметчик развернулись и, держа пулеметы на весу, начали поливать очередями склон.

– За камни! – крикнул сержант, переваливаясь за гребень. Второй солдат тоже перемахнул через гребень и залег.

– Гращенков! – крикнул сержант.

Гращенков попятился, выронил пулемет, прижал руки к груди, сел на корточки и мокро закашлялся. Второй пулеметчик подполз к нему, дернул за полу бушлата, повалил его и перетащил за гребень. Он вынул индпакет, разодрал его, достал бинты и тампоны. Гращенков лежал на спине, беспрестанно вытирал окровавленные губы и молчал. Он смотрел в оранжевое небо и молчал. Боли не было. Было туманно и томно, как если бы один выпил бутылку водки. По камням стучали пули. Солдат приложил к его губам тампон – белая подушечка сразу набрякла и потемнела. Солдат торопливо расстегнул на Гращенкове бушлат и липкую хлопчатобумажную куртку. Наконец пришла боль, Гращенков застонал и закашлялся, черный тампон слетел с губ. Солдат принялся утирать бинтом его шею и подбородок.

– Да перевяжи его, – сказал сержант, но солдат продолжал стирать с лица Гращенкова выкашливаемую кровь.

– Отстреливайся! Я сам! – крикнул сержант, подползая к Гращенкову и отпихивая отупевшего солдата. Солдат схватил пулемет и нажал на спусковой крючок. Сержант взял свой индпакет, вытащил бинт и тампоны, нашел на груди Гращенкова булькающие дырки и, морщась от боли в плече, начал перевязывать Гращенкова. Кое-как он перевязал его. Гращенков затих, вытянулся и стал быстро деревенеть.

– Все, – сказал сержант и осторожно ощупал свое горячее и сырое плечо.

– Надо уходить, пока не окружили! – крикнул солдат, откладывая пулемет и берясь за автомат. – Диски пустые!

– У Гращенкова есть!

Но вещмешок Гращенкова лежал по ту сторону гребня, по которому часто шелкали пули.

– Уходим! В распадок! – крикнул солдат и пополз вниз. Сержант, кряхтя от боли, последовал за ним.

Они спустились до середины склона, встали и, пригибаясь, побежали, но вокруг запрыгали красные пули, и они упали. Стреляли сверху и снизу, из распадка, куда они бежали. Сержант и солдат начали отстреливаться.

Вскоре осекся и замолчал автомат сержанта, потом автомат солдата.

Вскоре осекся и замолчал автомат сержанта, потом автомат солдата.

– Что делать, Женя?

Сержант молчал.

– Ты жив, Женя? – позвал солдат.

– Гранаты... есть? – спросил сержант.

– Нет.

– На.

– Что это?

– Бери. – Сержант вложил в его руку гранату. Со второй гранаты он сорвал кольцо. Прижимая белую металлическую планку взрывателя к ребристому корпусу, сержант сунул под живот кулак с гранатой.

– Ты что... Погоди, – сказал солдат, отползая в сторону, – не надо...

Сержант лежал на животе и молчал. Вверху зачернели фигурки – люди крадучись спускались вниз по склону. Под сержантом щелкнул взрыватель, раздался утробный взрыв, сержанта встряхнуло и перевернуло на бок. Мятежники открыли огонь. Оставшийся в живых пулеметчик положил гранату на землю, выхватил из кармана носовой платок, замахал им над головой и закричал:

– Дуст! Хватит! Не надо! Не стреляй! Мондана бощи... хуб ести![2]

Олег ЕРМАКОВ. Некаýаlar